

*Tuba mirum spargens sonum
Per sepulcra regionum,
Coget omnes ante thronum.[1]*

1

— В селе Бердаван Дзоркского района Армении жила обычная семья: жена — Роза — домохозяйка, копала огород, кормила кур и свиней, а муж — первый парень на селе — был пастухом, сено косил, а потом и стал водителем одного из первых тракторов не только в селе Бердаван, но и во всем Дзоркском районе, и звали его Григор. Любвеобильный Григор крутил роман с незамужней подружкой жены, и звали ее, кажется, Грета. Так как село Бердаван махонькое, каждый кустик был в курсе этого необычного и одновременно обычного треугольника. И вот однажды по материальным соображениям — коллективизация шла уже полным ходом — эта тройца решила жить вместе, чтоб все добро лилось в один котел. Интересно то, что жизнь после этого пошла своим чередом, ничего не изменилось: как обычно, Григор пас своих овец, косил сено, водил свой трактор, а жена с любовницей вели хозяйство. Как-то Григор, вернувшись домой голодный, злой и пьяный (с ребятами что-то отмечали там, на высоких и зеленых холмах), наорал на своих женщин, любовницу пощадил, а жену стал бить... Любовница (Грета, кажется, ее звали), накинулась на Григора и давай дубасить его. Вскоре подросла очухавшаяся жена Роза с криками: «Не смей бить мою подругу!» Короче, отметили две бабы бедного Григора. Как говорится, победила дружба. Григор же долгое время после того жил в хлеву или в амбаре, был, стало быть, наказан. Но потом жена с любовницей простили Григора, и он вернулся в дом. Вот какие страсти кипели некогда в селе Бердаван Дзоркского района. Все, конечно же, обо всем знали и потешались над Григором, обзывая его падишахом. По этому поводу Григор даже был вызван в «кабинет» председателя колхоза к товарищу Киракосяну (кабинет этот находился при сельском клубе), с которым имел очень серьезный разговор. Григор обещал разобраться, но так, конечно, ни в чем не разобрался. А потом и война началась, Григора призвали. Грета — все же так, кажется, ее звали — умерла от какой-то болезни весной сорок пятого года, так и не дождавшись своего ненаглядного любовника с фронта. А лейтенант Григор Гаспарян, вернувшись в родной Бердаван, больше любовниц не заводил,

и прозвище «падишах» постепенно забылось. Выросли дети, Григор расширил построенный еще в тридцатые дом, появились внуки. Роза же с Григором часто в разговоре вспоминали Грету. Вернее, Роза, когда сердилась на своего мужа, упрекала его любовницей... Почему ты смеешься?

— Смешная история. Продолжай.

— У дедушки Григора, ровесника XX века, было три инфаркта. Первый случился в феврале 1956-го года, когда был зачитан доклад «О культе личности и его последствиях». Второй — в перестроечные годы, когда волна горбачевской антиалкогольной политики докатилась до села Бердаван и поглотила его всего без остатка. Сердце онемело, когда приехавшие из райцентра трое рабочих — никто из местных-то не взялся за эту работу — начали валить вековые тутовые деревья. Это было более чем несправедливо: ведь в Бердаване, да и в Армении в целом, никогда не было пьянства, хоть все здесь и гоняли водку из шелковицы, и это была самая хорошая водка во всем Дзоркском районе, да и во всей области в целом... В третий раз дедушку хватил инфаркт в декабре 1991-го года, когда Совет Республик принял декларацию о прекращении существования СССР. Вот третий инфаркт дедушка не пережил и умер. Днем пошел, сдал партбилет, а вечером, сидя в кресле перед телевизором — смотрел программу «Время» — задремал и больше не проснулся. Инфаркт случился во сне. Вот так. Дедушка Григор ушел на следующий день после развала Империи. Что до тех рабочих из Дзорка, срубивших тутовые деревья в селе Бердаван в эпоху гласности, демократизации и перестройки, то бабушка Роза потом мне рассказывала, что «их настигло несчастье, потому что деревья рубить нельзя, к несчастью это...» Роза — маленькая старушка с так и непоседевшими волосами — всю свою жизнь чего-то боялась. Боялась в тридцатые годы, боялась в сороковые, пятидесятые. В шестидесятые и семидесятые ее как-то немного отпустило, но в восьмидесятые она снова начала сильно бояться. Тогда и рассказала про срубленные тутовые деревья мне. Так что я действительно знаю, что деревья рубить нельзя.

— Нерсес! И, несмотря на это, ты собирался срубить этот несчастный дуб?! Ты бесстрашный или мазохист?

2

— Вы что, собрались срубить этот несчастный дуб? Эй, на дереве! Я к вам обращаюсь. Посмотрите сюда, повернитесь. Вот так. Молодец. Видите меня? Так, вы хотели срубить дуб или взлететь? Вы Карлсон или Леонардо да Винчи?

Так Нерсес познакомился вчера с Ноной. А теперь вот стоял у самых ворот дачи в селе Бердаван, будто не смел пойти дальше, и смотрел на свой дом. Вернее, на то, что от дома осталось.

— Весь дом сгорел. До конца, — сказал из-за плеча Додик.

Нерсес сам прекрасно это видел. Наконец, он переступил порог и пошел туда, где еще дымились обугленные сваи.

— Не похоже, что это поджог, Нерсес Хусикович, — сказал молоденький следователь с черной папкой (Нерсес забыл его имя). — Вы ведь вчера здесь были. Наверное, неудачно бросили окуроч и уехали.

— И поэтому дом загорелся лишь сегодня утром? — покачал головой Нерсес, сдавливая рыдание, подкатившее к горлу, вызванное бессильным гневом и отчаянием. Одновременно с этим мозг сверлила услышанная вчера фраза: «Животное... Ты всегда делаешь все возможное, чтоб подпортить себе карму? Ты же меня просто поимел...»

— Всякое бывает, — услышал Нерсес тонкий и неприятный голос молоденького следователя. — Мы с Додиком... Давидом Паруйровичем осмотримся тут, а вы останьтесь здесь. Думаю, никакого поджога не было. Вот вы опять курите. Небось, бросите непотушенный окуроч в те кусты?

И тогда Нерсес только заметил висевший на заборе тубус — футляр для ватманов. Подошел, снял с забора, открыл: чертежи, какие-то расчеты, записка... Стал читать:

«Нерсес, ты животное. Несчастное, несчастное животное. И поэтому я выполнила свое обещание. Вот чертежи и расчеты нового дома. И да: твой дом подожгла я. Ты можешь сдать меня полиции. Но лучше построй себе новый дом. Ты так и сделаешь, не так ли? Уверена, что да. И я рада за тебя. Твоя Клото[2].

P.S. Я буду помнить тебя».

Нерсес закрыл тубус, бросил подальше окуроч, закурил по новой, посмотрел на чуть обгоревший дуб, склонившийся над тем местом, где еще вчера был дом, а потом на небо. Оно было похоже на прокисший мацун[3], и из-за комочков бело-голубых облаков восходило матовое солнце.

3

Небо было похоже на прокисший мацун, и из-за комочков бело-голубых облаков восходило матовое солнце. В Дзорке было невыносимо жарко, но облака, приплывшие ниоткуда еще ночью, рождали надежду на вечернюю грозу, когда можно будет смыть с себя зной, пот, усталость, когда исчезнут тяжесть век, ощущение сердца в ушах и горле, и пройдет, наконец, приступ изматывающей мигрени... Может, облака и не походили в то утро на мацун, а только на барашков, беззаботно пасущихся на васильковом небе, или на пенопласт, раскрошенный с ужасным и противным скрежетом, но Нерсес подумал, что похожи эти облака были в то утро именно на что-то кисломолочное...

— Может, не надо все же рубить старый дуб? — разбудил он на рассвете Джульетту.

Жена открыла один глаз (кажется, она вторым закрытым глазом продолжала смотреть сон), и сказала, что она будет себя чувствовать спокойно только тогда, когда муж срубит этот самый дуб. Нерсес же не унимался: мол, нехорошо рубить

дерево, оно же еще зеленое... Жена, «нажав» кнопку Pause на кинопроекторе сна в своем сонном кинозале, открыла также второй глаз и напомнила, что старый дуб с каждым годом все больше наклоняется и уже давит на крышу. Ведь Нерсес же сам говорил, что в нескольких местах шифер даже треснул. Так что Нерсесу обязательно нужно поехать на дачу. И вообще, Джульетта попросила дать ей поспать еще немного, пока вишапики[4] не проснулись.

— Может, он начнет выпрямляться? — попытался в последний раз урезонить ее муж.

Джульетта села в кровати, а это не сулило ничего хорошего, и возразила, что старый дуб в селе Бердаван Дзоркского района Республики Армения — вовсе не Пизанская башня в какой-то там Италии и само никогда не начнет выпрямляться. Она еще добавила, что лето уже давно наступило. В том смысле, что скоро все чаще и чаще они будут выезжать в Бердаван на дачу. Ведь не хочет же Нерсес, чтоб дуб этот свалился, когда они будут там с детьми. После такой длинной речи жена, утомившись и нажав на воображаемую кнопку Play, снова очутилась в своем виртуальном кинозале.

И Нерсес поехал. Очень не хотел, но все же поехал.

4

Дорога, пробежав мимо заброшенного с 90-х годов аэропорта, свернула налево и стала подниматься по серпантину вверх, в горы (ярус за ярусом, поворот за поворотом), оставляя за собой маленький клочок ровной земли — долины реки Чаги, на которой и расположился бесформенным осьминогом город Дзорг. Только вот гора Арцвалер, вспыхнувшая под лучами восходящего солнца по ту сторону этой самой долины, поднималась вместе с ним и всегда была на виду, несмотря на повороты.

Нерсес вел машину, смотрел на Арцвалер и слушал свои мысли. От мыслей, надо сказать, он уставал. Особенно, когда их бывало много, и они, несясь с огромной скоростью, ударялись о стенки нерсесова черепа, отскакивали и снова неслись хаотично, утомляя мозг своей бесцельностью. Вот как теперь. Он не любил это состояние — хотелось закрыть глаза и заснуть. Но не всегда это было возможно (например, как сейчас, за рулем). И это приводило в отчаяние... Впрочем, сны Нерсес не любил смотреть тоже. Ведь очень редко бывало так, что сон оказывался хорошим. В основном ему снились кошмары, повторяющиеся с назойливым постоянством. Чаще всего Нерсес видел сон, связанный с самолетом, который терпит крушение. Причем тут нужно оговорить, что Нерсес никогда в жизни не поднимался на борт какого-либо летательного аппарата и видел самолеты разве что высоко в небе, безучастно пролетающие над родным Дзоркским районом или по телевизору. Так вот. Во «сне-катастрофе» пилоты самолета оказывались почему-то в состоянии, при котором невозможно управлять самолетом (этот момент Нерсес всегда, когда спал, забывал уточнить — почему?):

то ли отравились, то ли напились, то ли еще что-то. Во всяком случае, получалось так, что Нерсесу приходилось во сне занять место главного пилота и управлять «Боингом». Сон этот никогда не удавалось досмотреть до конца, так что Нерсес не знал, в конечном итоге, посадил он самолет или нет, но точно помнил (и это было самое мучительное), что все пассажиры — а среди них были почему-то семья, все родственники, знакомые, друзья и сослуживцы — начинали его уговаривать и просить, чтоб он их спас. А он, Нерсес то есть, упирался, объясняя, что вовсе не умеет управлять самолетами, что он всего лишь средний чиновник в мэрии города Дзорка. В конце концов, Нерсесу ничего не оставалось делать, как сесть за штурвал авиалайнера. Засыпая каждый раз, Нерсес боялся, что опять увидит этот сон, и поэтому не любил спать, но — как уже было сказано — лишь сон помогал хаотически несущимся его мыслям успокоиться и принять какое-нибудь направление, да и, как известно, сон — лучшее лекарство от приступов мигрени, которые у Нерсеса случались периодически. Мысли эти, как и «сон-катастрофа» с самолетом, каждый раз всплывали в его голове. Например, о возрасте (через месяц ему исполнится сорок пять), о жене, детях, родителях, о бабушке с бабушкой. А в тот день — еще и о том, что надо срубить проклятый дуб, который, однако, он не хотел убивать. Да как же он срубит его?! Это же его, Нерсеса родной дуб! Он этот дуб с детства видел. Этот дуб с детства видел его отец Хусик, этот дуб с детства видел его дедушка Григор... Разве можно вот так взять и срубить его? Да разве Джульетта понимает столько? С другой стороны... И правда, может быть опасно? Нерсес сердился на жену (он всегда сердился на нее, по любому поводу и даже без повода), но еще больше сердился на самого себя. И не знал, что делать. Как обычно, не знал. Всегда, вместо того, чтоб решить проблему, он оставлял все как есть: «само рассосется». Так обычно и случалось. Но в ситуации с дубом было непонятно, как проблема должна была сама разрешиться. Ведь не начнет же на самом деле дерево выпрямляться. Наоборот, оно все больше и больше будет давить на крышу дома, пока не расплющит его. Выходит, чтоб спасти дом, Нерсесу надо будет убить дерево, чтоб оно не убило дом.

Бабушка Роза давно умерла, но ее слова в памяти остались: «Деревья рубить нельзя, к несчастью это...»

5

Уже через какие-нибудь двадцать минут Нерсес проехал село Арцваник, а еще через десять он въехал в Бердаван и остановился перед зелеными воротами (он их покрасил в прошлом году вместе со старшим сыном, Партев-Сааком), за которыми виднелся дом бабушки Григора, переписанный сначала на имя Хусика, а потом его, Нерсеса имя. Теперь этот дом служил дачей, куда Нерсес с семьей отправлялся, как только выдавалась возможность (летом — так вообще две-три недели жили там).

Нерсес открыл ворота («Вспомнить бы как-нибудь смазать замок, совсем заржавел», — подумал он), вошел на территорию, заметил попутно, что вдоль

бетонированной дорожки, ведущей к дому, зацвели анютины глазки и «дикие» гвоздики, посаженные Джульеттой весной, а потом по деревянной лестнице поднялся в дом, неся в руке сумку с бензопилой. Войдя в дом, он подумал, что даже не посмотрел на дуб, который собирался срубить, словно стеснялся смотреть. Так, очень часто не смотришь в глаза тому, кому собираешься сделать больно, а тем более убить. Ведь с этим тебе потом придется вечно жить. С этим своим взглядом, отразившемся вдруг в глазах жертвы. И ты тогда всю жизнь не будешь себе нравиться... Теперь тоже Нерсес не нравился себе, и он не посмотрел на родное дерево, которое о чем-то упорно и упрямо молчало, хоть и подрагивало листьями.

— Что ты думаешь о моем сне?

— У тебя мания величия, Нерсо-джан. У тебя комплекс мессии.

Нерсес ничего не сказал тогда, но слова Джульетты его задели. «Неужели я такой?» — думал он и снова почувствовал, что не нравится самому себе. И снова впал в депрессию до тех пор (впрочем, Нерсес довольно часто оказывался в депрессии), пока приехавший на пару дней из Еревана друг-одноклассник Андраник (Андо-джан!), ставший крупным чиновником в одном из министерств (а был когда-то психологом-консультантом), сказал:

— Твой сон говорит о том, что тебе надо взять на себя ответственность и изменить что-то в жизни. Нерсо-джан, ведь ты, если не ошибаюсь, окончил музыкальное училище? Когда ты в последний раз играл на пианино? — Нерсесу пришлось признаться, что уже лет двадцать он не садился за инструмент, и Андо сказал: — Напрасно, очень жаль.

На самом деле, музыка была тем единственно настоящим, что нужно было Нерсесу. Музыка он очень любил, но после училища он не продолжил заниматься. Нерсес не переехал в Ереван. Нерсес не поступил в ереванскую Консерваторию. Как-то прозевал, все упустил. Сошелся с какими-то мутными друзьями, пьянствовал по молодости, но потом пить бросил, поработал сначала на одном заводе, потом на другом, окончил заочно Политехнический, стал главным инженером на заводе, а потом и чиновником в мэрии родного города Дзорк. И все потому, что после окончания музучилища его отец, Хусик Григорыч, заявил, что Нерсесу нечего делать в Ереване, хоть преподаватели училища, что-то понимающие в музыке все-таки, хором утверждали, что у Нерсесика великое музыкальное будущее. Впрочем, заявление Хусика Григорыча не помешало отправить в дальнейшем в Лос-Анджелес старшего своего сына Завена, а потом и самому вместе с женой навсегда перебраться в Штаты. Таким образом, Нерсес остался один-одишошенок и застрял в Дзорке на всю жизнь. Женился (в последнее время все никак не мог вспомнить, как познакомился с Джульеттой, помнил лишь, что уже тогда она красила волосы хной), родились дети...

Тот же Андраник заявил, что частые приступы мигрени у Нерсеса имеют явный психосоматический характер.

— Может, тебе бросить все и уехать?

Но Нерсес лишь грустно улыбнулся, прекрасно осознавая, что он влип на всю жизнь. Что уже ничего не изменит, что уже никуда не уедет. Не сможет, не имеет права. Да что там! Он даже не мог покончить с собой! Ведь это означало обречь детей на голод. Он не мог.

— Нет, Андо-джан. Я в ловушке...

Дети? Ну, что дети! Они его обожали, хоть он и бывал в основном молчаливым и грустным...

6

Прежде, чем приступить к убийству (разве есть другое слово?) векового дуба, Нерсес решил выпить кофе, привезенный с собой в бабушкином термосе с разрисованными на корпусе подсолнухами. Кофе отдавал корицей. Наверное, термос вчера брала с собой на работу Джульетта, которая работала заведующей детского сада. Черт знает что! Джульетта же не может пить нормальный кофе. Обязательно в него добавит корицу или кардамон. Нерсес же считал, что это преступление — добавлять в кофе какую-либо специю. Кофе, был уверен Нерсес, сам по себе божественен, а, значит, совершенен и самодостаточен, если правильно приготовить, и ни в коем случае не терпит каких-либо добавлений. Кофе был, пожалуй, единственной страстью его и единственным понятием в мире, к чему Нерсес относился со всей серьезностью. И вот он теперь пил его, морщился от вкуса корицы и старался не смотреть в окно: ведь там был дуб.

Сначала, когда был поднят вопрос о неумолимо кренящемся дереве, Нерсес думал, что придется звать на помощь местных бердаванских молодцов или — еще хуже — привозить с собой из Дзорка бригаду рабочих с краном. Ведь как же он срубит-то это огромное дерево, чтоб оно не упало на дом? Но потом Нерсес решил, что нет ничего такого, чего человек с интеллектом не мог бы придумать, и неделю назад одолжил у приятеля по мэрии бензопилу «Дружба». Приятеля звали Додик. Вообще-то, Давид Паруйрович, но никто его так не называл. Все только Додик да Додик, в том числе Додикова жена Сусанна и сам мэр. Нерсес не знал, да и спрашивать не хотел, почему в гараже у Додика валяется бензопила «Дружба», но он почему-то знал о ее наличии и попросил отдать ему на время. Додик лишь предостерег:

— Осторожнее с конечностями.

У Додика был кривой нос (как будто нос его хотели сложить пополам, но с полдороги передумали), кривые ноги, кривая спина и прекрасная во всех отношениях жена Сусанна. Никто не знал, кому и в какой извращенной фантазии пришла мысль соединить брачными узами столь разных людей. Но со стороны Додик и Сусик казались такой счастливой парой, что никому и в голову не приходило выяснять это. Даже Джульетте, жене Нерсеса, в детском саду у которой и работала Додикова жена воспитательницей. Додика никто в мэрии

не любил (чего греха таить, Нерсес тоже), и непонятно было, почему его не уволят. Наверное, решили, что Додик никому не мешает, и не трогали его. К тому же, он был единственным работником мэрии, который служил там с самого начала 90-х годов.

Идея Нерсеса заключалась в том, что он срубит дерево не внизу — иначе, падая, оно точно расплющит дом, как спичечную коробку, — а сам поднимется с пилой на дерево, как можно высоко, и будет рубить ветки и ствол, постепенно спускаясь. Ветки, даже если упадут на крышу дома, не смогут причинить вред.

Но все же Нерсес не хотел рубить дуб...

Допив, наконец, кофе, отдающий корицей, и выкурив неизвестно, какую по счету сигарету, Нерсес достал из сумки пилу и вышел на солнце. Посмотрел снизу-вверх на дуб и произнес:

— Прости, дерево!

Нерсес закинул через плечо ремень бензопилы и стал подниматься. Дерево охотно позволяло ему это восхождение и, казалось, даже помогало, кстати и удачно подставляя под руку или ногу, очередную ветку, дупло. Дерево пахло мхом и утренней росой. Нерсес взбирался все выше и выше, а когда уже лезть дальше оказалось невозможным, он оперся грудью о ствол и двумя руками взялся за бензопилу, висевшую на ремне через плечо, которая тут, на высоте пятиэтажного дома казалась особенно тяжелой. «Пильный аппарат легкий, — подумал Нерсес, — тяжелые именно двигатель и каркас». Потом он дернул пару раз за трос изо всех сил, но «Дружба» не завелась. От напряжения дрожали руки, и Нерсес решил отдохнуть и выкурить сигарету — прямо там, на дереве, на высоте пятиэтажного дома. Теперь дерево не казалось жертвой. Теперь они были на равных. Ведь дуб в любой момент мог сбросить его с себя и убить. Это успокаивало. Нерсес улыбнулся. Ему перестало казаться, что он собирается совершить убийство.

7

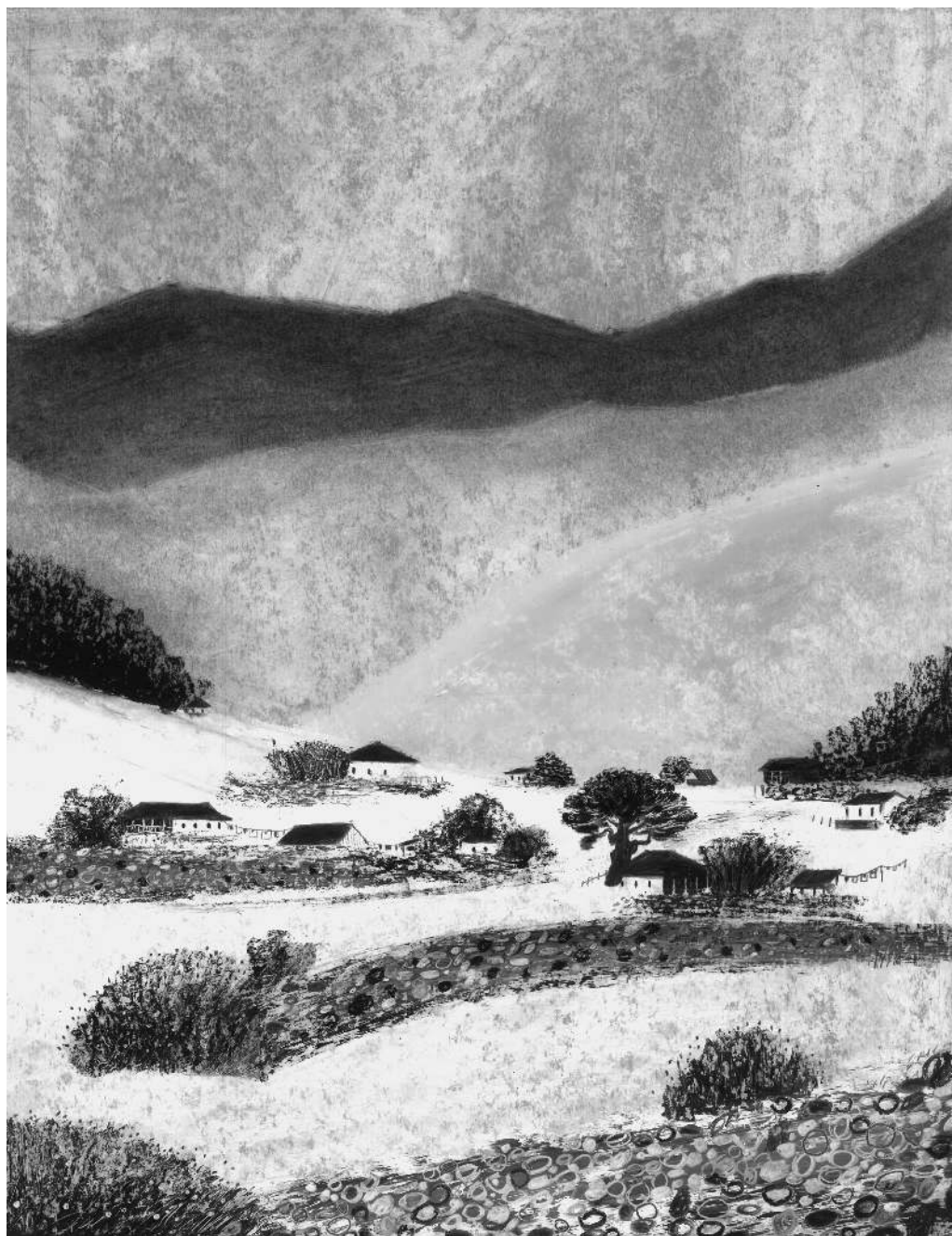
— Вы что там, собирались срубить этот несчастный дуб? Эй, на дереве! Я к вам обращаюсь. Посмотрите сюда, повернитесь. Вот так. Молодец. Видите меня? Так, вы хотели срубить дуб или взлететь? Вы Карлсон или Леонардо да Винчи?

— Вообще-то, срубить. А вы кто? — Нерсес еле мог разглядеть сквозь ветки и листву женщину, вышедшую на крыльцо соседнего дома, по ту сторону забора, который построил еще дед Григор.

— А вам не говорила ваша бабушка, что деревья рубить не хорошо?

— Говорила. И, как я понимаю, все бабушки об этом когда-нибудь говорили...

— Что же вы не слушаетесь? — Женщина рассмеялась. — Вы всегда не слушаетесь? Или всегда слушаетесь? Спускайтесь! Спускайтесь и оставьте дерево в покое. Оно ни в чем не виновато. Вы кофе с чем пьете?

— Я кофе пью с кофе! — огрызнулся Нерсес, вспомнив свой кофе из бабушкиного термоса, отдающего корицей, но, тем не менее, пыхтя и матерясь, стал спускаться.

Когда он оказался на земле и освободился от «Дружбы», он вытянул перед собой руки — они опять дрожали — и крикнул:

— Вы где?

— Варю вам кофе, — крикнула женщина в ответ из-за забора. — Я открыла ворота. Заходите. Поговорим.

Нерсес отряхнул одежду, волосы, вышел за ворота своего дома, потом вошел в ворота дома соседнего, сразу почувствовав себя в другом мире. Как Алиса — в зазеркалье или в какой-нибудь потусторонней чудесной стране. Так всегда бывает, когда заходишь к соседям в деревне или в дачном поселке. Наверное, это от того, что угол зрения меняется. Смотришь на те же предметы со стороны, что ли. Вот вроде бы тот же самый родной дуб, а какой он отсюда красивый! И дом твой какой-то другой. Нерсес подумал, что все в жизни зависит от ракурса, поднялся по деревянной лестнице и оказался на застекленной веранде. Вышла молодая женщина с короткой стрижкой а ля Деми Мур из фильма «Призрак», в черном, очень коротком шелковом халатике с ярко-желтыми подсолнухами, в черных же кожаных, довольно-таки высоких сабо на ногах, держа в руке маленький поднос с чашкой кофе и стаканом воды.

— Здравствуйте, снизу вы казались таким огромным! — сказала женщина улыбаясь.

— А вы сверху казались такой маленькой, — поддразнил ее Нерсес, сел за стол и закурил. Женщина села у стола в кресле-качалке и укрыла ноги пледом. «По утрам в Бердаване всегда холодновато» — подумал Нерсес. — Вы не будете пить кофе?

— Я не люблю кофе. — ответила молодая женщина, тоже закуривая. — Кофе у меня на всякий случай припасен, а вдруг кто в гости зайдет. Но пусть это вас не беспокоит. Во всем остальном я нормальная... Наверное.

Нерсес отпил глоток кофе. Он был приятно удивлен тому обстоятельству, что женщина приготовила божественный напиток очень даже вкусно. Поразительно, как можно приготовить такой вкусный кофе, если сам его не пьешь и, наверняка, ничего в нем не понимаешь.

— Что вы делаете тут, в Бердаване? — спросил он. — Ведь видно же, что вы явно неместная. У вас ереванский акцент. Да и дом я этот знаю. Еще с детства. Мы называли его «ахпер Вардани тун»[5]. Мой дедушка называл старика Вардана братом, хоть они и не были родственниками... И я вас тут никогда не видел.

— Я ереванская, — ответила женщина, опять же улыбаясь, — и не знаю никакого Вардана. Я на две недели арендовала этот дом. Мне посоветовали для

отдыха Бердаван. Я архитектор. Черчу, строю, все такое. Завтра уже уеду. В Ереван. А оттуда — в Москву.

— Меня зовут Нерсес. Нерсо...

— Я — Нона. С одной «н».

— Хорошее имя.

— Мне тоже нравится. Вариантов десять было точно, как меня назвать. Был целый список. Но помню фразу мамы под списком: «Я решительно и категорически хочу Нонночку». Это она с папой записками переписывалась из роддома. Но когда папа регистрировал меня, работница ЗАГСа в свидетельстве о рождении пропустила одну «н». Ну, а в паспорте уже не исправили. Тем более, что, как я узнала, Нона — одна из трех богинь судьбы у римлян (по-гречески — Клото, «прядущая» нить человеческой жизни). Вот так.

Нерсес посмотрел на женщину и сделал очередной глоток кофе. Нона. Он проговорил в уме ее имя, словно пробуя на вкус, и ему понравилось, как оно звучит. Нона. В ее имени было что-то умиротворяюще-спокойное, и Нерсес понял, что у него перестали дрожать руки и прошла мигрень. Почему-то сразу, как будто не с ним случился этот очередной утомительный во всех отношениях приступ. Прав был Андо, значит: мигрень — всегда психосоматическое... Нерсес посмотрел в окно веранды, за которым виднелся родной, по-прежнему живой и неискаленный дуб.

— Почему вы не позволили мне срубить дерево? Ведь вы видели, что крыша уже ломается под тяжестью. Дуб этот рано или поздно рухнет.

— А если не рухнет, и вы зря его срубите? — возразила Нона. — Дуб же не виноват, что дом построили. Ведь справедливости ради надо заметить, что дерево это росло там задолго до того, как вашему дедушке приспичило построить дом. Не рубите дерево, согласитесь со мной, что так будет правильнее. Не надо портить себе карму.

— И что мне делать? — спросил Нерсес, обрадованный внезапно появившейся надежде, что не надо совершать убийства. — Как мне поступить?

— Я архитектор, помните? Я что-нибудь придумаю, — сказала Нона.

— Например?

— Вот что. Раз решаем не рубить дерево, значит, надо срубить немного дом.

— В смысле?

— Уменьшите веранду. На два метра. Вбейте в землю сваи-подпорки для дерева. И дуб не рухнет, и дом будет гарантированно в безопасности.

— Вы это сделаете? Для меня. Вы просчитаете все? Я заплачу.

— Я сделаю, — сказала Нона. — Платить не надо.

— Но вы же завтра уедете...

— Я за ночь все сделаю.

— А вы не можете не уезжать? — неожиданно спросил Нерсес. Неожиданно прежде всего для самого себя.

— Не могу. Нужно опять возвращаться. Опять в холодную Москву. Один-два дня погоды не сделают. К тому же билеты уже не сдать. Когда-то ведь эти две недели должны были закончиться. Так что лучше не думать. Возвращение к проблемам случается всегда.

— Проблемы — это расплата за счастье, — сказал Нерсес.

— Счастье абсолютно! — покачала головой Нона. — Не бывает расплаты за него.

— Ошибаетесь. — Нерсес горько усмехнулся. — Счастье всегда относительно и никогда не бывает без условий.

— Просто у вас христианский вариант восприятия. С обязательной расплатой.

— Разве в жизни не так?

— Уже не знаю, но я точно не могу подольше остаться в Бердаване. Завтра утром за мной придет машина (знакомый едет из Дзорка в Ереван), и я уеду. Расчеты заброшу к вам на территорию через забор.

8

Нерсес допил кофе, потом встал, неожиданно подошел к Ноне, сбросил с нее плед, стал гладить ее бедро и одновременно целовать рот. Почувствовав, что Нона отвечает на поцелуи, он поднял ее с кресла-качалки, повернул к столу и нагнул — резко, грубо, нагло... Нона не сопротивлялась. Она вообще не проронила ни единого звука. Нерсес тоже был тих, пыхтел только и смотрел на свой дом по ту сторону забора и на дуб. Увидел, как бабочка села на деревянную перекладину гамака, натянутого между яблонями. Потом опять посмотрел на свой дом, на свое дерево. Непонятно было, как ко всему происходящему относится дуб, но Нерсесу показалось, что дуб действительно смотрит, подглядывает. Это не нравилось, смущало, и Нерсес теперь хотел лишь поскорее кончить. Нона по-прежнему была безмолвна, как будто безучастна, и это еще больше раззадоривало Нерсеса, хотя руки его, держащие Нону за бока, уже стало сводить судорогой от напряжения. И тогда появилось предчувствие смерти, и скоро Нерсес закрыл глаза, зарычал, как медведь, и ему показалось, будто он умирает. Он подумал, ощутил, осознал, как жизнь его вытекает в нее, и от него самого ничего не остается...

Замерев на пару секунд, Нерсес поднял штаны, сел на прежнее место за столом, закурил и просто стал смотреть, как Нона поправляет волосы, садится снова в кресло-качалку, из которой он ее так бесцеремонно вырвал, укрывает ноги пледом, тоже закуривает.

— Животное... Ты всегда делаешь все возможное, чтоб подпортить себе карму? Ты же меня просто поимел... Без всяких эмоций, — сказала недовольно Нона, но, кажется, улыбнулась.

— Ну, у тебя тоже не было особых эмоций, — возразил Нерсес и закурил новую сигарету. — Что ты заладила про карму? Откуда это? Ты на этом заиклена?

— Да.

— Расскажешь?

— Да. Это из-за мужа.

— Что с ним?

— Погиб в автокатастрофе.

— Рассказывай уже!

— Хорошо... У пациентки моего мужа (женщина под сорок из какой-то деревни недалеко от Еревана), было двое детей, и она забеременела третьим ребенком. Перед кесаревым подписала согласие о том, чтоб ей перевязали фаллопиевы трубы — не хотела иметь больше детей. Так и сделали. Ребенок родился здоровым. Но потом через некоторое время случилась авария, и двое ее старших сыновей и годовалая девочка погибли. Пациентка и ее муж выжили. Она приехала в Ереван и давай умолять своего врача, то есть моего мужа, сделать реконструкцию труб. Мой Арег сделал. А потом мы узнали, что у пациентки опять беременность. Но случилось так, что во время сбора урожая яблок она упала со стремянки, и у нее случился выкидыш, и сама чуть не умерла. Срочно привезли ее в Ереван. Арег ее спас, но понятно было, что детей она иметь больше не сможет.

— И это все?

— Да. Все. А еще через год мой Арег погиб в автокатастрофе... Так что я думаю... Я думаю, что не надо рубить дуб. Правильнее уменьшить веранду. Вот. А теперь расскажи историю своего рода. Не расскажешь? Ну, давай же! Это просто ведь. В селе Бердаван Дзоркского района Армении жила обычная семья...

А потом Нерсес ушел. Встал, взял сигареты, зажигалку и ушел. Минут через пятнадцать Нона услышала, как завелся автомобиль уже знакомого соседа — звук был какой-то утробный и в то же время мягкий. Потом автомобиль уехал, и утробно-мягкий звук постепенно стал затихать, где-то в той стороне, где виднелась все еще залитая лучами солнца гора Арцвалер.

Нерсес ехал обратно в Дзорк и думал о Ноне. Теперь он представил сцену секса с ней со стороны и сам себе не понравился. «Животное», — вспомнил он. Казалось, это и не он был вовсе, а какой-то другой человек. Ведь Нерсес никогда бы не мог предположить, что способен на такое. Это все озадачивало. И еще возникал вопрос: зачем? Зачем он это все сделал? Ведь совершенно чужая женщина. Нерсес не знал, что ответить. Но сказать, что секс с незнакомой женщиной его

как-то взволновал — хоть такого никогда раньше не бывало, — то нет. Поэтому и было жалко, что так получилось. Почему-то было жаль.

9

Джульетта (покрашенные хной волосы, шлепанцы-вьетнамки) с самого порога спросила, срубил ли Нерсес дуб, справился ли он, было ли трудно...

— Наверное, завтра нужно будет пригнать туда грузовик, чтоб все убрать, верно? Ты скажешь Додик? Или мне сказать Сусик?

— Я не срубил дуб, Джульетт. Не смог. Грех это — дерево рубить. Мы немного отодвинем в сторону сам дом.

Джульетта почему-то сразу принялась кричать, рассердившись. Неожиданно. Громко, очень-очень громко:

— Нерсо, ты рехнулся! Это невероятно! От тебя требовалось сделать всего лишь одно: срубить его. А у тебя, как всегда, ничего не получилось! Аствац им[6]! Как я завидую Сусик! У нее Додик все делает, все достает, все у него получается! А мне досталось вот такое горе, как ты! За что мне!

— Успокойся! Хватит! Я тоже умею кричать! Заткнись вообще! И дай мне поест. Я проголодался. Слышишь?

— Проголодался он! — не унималась никак Джульетта. — Что же ты делал, что проголодался? А? Ничего! Обед в холодильнике. Сам его и подогреешь. Хотя это ты сможешь? Я иду с детьми в кино. Сусик со своими тоже идет. А ты останься и подумай о том, что ты ничего не умеешь делать!

Нерсес поел в одиночестве, потом впервые за двадцать лет сел за пианино, открыл крышку и заиграл. «Чакону» Генделя. Играл до тех пор, пока не устал. Лег на диване в гостиной и заснул, так и не узнав, когда Джульетта и вишапики вернулись с киносеанса, и как взорвалась вечерняя гроза. Спал он до самого утра и не видел снов. Только музыку видел во сне. Ту самую, «Чакону» Генделя, любимую с детства.

Ровно в девять часов утра следующего дня его разбудил телефонный звонок:

— Алё? Нерсо!

— Додик, это ты?

— Да, я, конечно, я. Я же всегда только с плохими новостями, поэтому меня не любит никто. Наверное, у меня карма такая...

— Что стряслось, Додик?

— Мне только что позвонил, мой кери[7] Аветис...

— У которого дом в Бердаване?

— Да, Нерсо, он и звонил... Дом твой горит, Нерсо-джан. Пожар. Собирайся. Скоро буду у тебя. Поедем. Я уже звонил в милицию, то есть в полицию...

Когда уже ехали — мимо заброшенного с 90-х годов аэропорта, а потом и по серпантину вверх, в горы (ярус за ярусом, поворот за поворотом), оставляя внизу маленький клочок ровной земли — долину реки Чаги, на котором и расположился бесформенным осьминогом город Дзорк, — Додик спросил Нерсеса:

— Ты кого-нибудь подозреваешь? Может, это поджог?

— Нет, Додик, конечно нет. Никого. Кому это могло понадобиться?

Дорога бежала дальше, только вот гора Арцвалер, вспыхнувшая вдруг под лучами восходящего солнца по ту сторону долины, поднималась вместе с машиной все выше и выше и всегда была на виду, несмотря на бесконечные и раздражающие повороты.

— Скажи, Додик. Так ты веришь в карму? — спросил Нерсес, теребя вылезшую из-под пуговицы нитку. Пальцы его — тонкие, длинные, музыкальные — продолжали и дальше играть с пуговицей и теребить нитку, словно пряжу пряли, до самого села Бердаван Дзоркского района.

— Конечно верю, — ответил Додик. — Бензопила, которую я одолжил тебе неделю назад... однажды в молодости этой самой пилой я срубил с товарищами все тутовые деревья в селе Бердаван. Во времена горбачевского сухого закона. Ну, а потом на меня свалилась балка на одной из строек, где я работал прорабом, и меня покалечило. Думаешь, чего я такой кривой?

[1] Трубы судьбы удивительный звук пронесется

Над кладбищенскими странами,

Созывая всех к престолу (лат.)

Tuba mīrum является частью *Dies Irae*, латинского поэтического ряда, используемого в англиканской и католической литургиях, особенно в заупокойных мессах (Реквиемах).

[2] Клото — персонаж древнегреческой мифологии, одна из мойр, прядущая нить жизни.

[3] Мацун (арм.) или Мацони (груз.) — кисломолочный напиток армянского происхождения из ферментированного молока, традиционный элемент армянской и грузинской национальных кухонь. Широко распространён на Кавказе, в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Приготавливается из кипяченого молока коров, овец, коз, буйволов или их смеси.

[4] Вишاپ — дракон (арм.)

[5] Дом брата Вардана (арм.)

[6] Боже мой! (арм.)

[7] Дядя, брат матери (арм.)